

Но всё произошло слишком быстро.

Хэ Цзиньнянь развернулся навстречу закатному солнцу и бросился к панорамному окну. Откуда в нём взялась такая сила — неизвестно, но он пробил стекло насквозь, оставив на полу осколки в крови. Его фигура нырнула в пустоту с тридцать шестого этажа. Глухой удар — и снизу постепенно поднялись крики.

Половина оперативников кинулась вниз по лестнице. Остальные навалились на Хэ Сяньяна, который рвался к окну.

Хэ Сяньян безвольно позволил защёлкнуть наручники. Глаза его были прикованы к оконному проёму, будто его собственная душа тоже прыгнула вслед за сыном.

Солнечный свет вдруг стал ледяным. Хэ Сяньян чуть заметно вздрогнул. Зрачки механически поползли вверх — и он увидел, как юноша в белом наклоняется к нему. От него ударила волна пронизывающего холода.

Се Цилян произнёс — слово за словом:

— Ритуал, который вы заказали, выполнен безупречно. На вас нет ни капли кармы. Поэтому вы, как и предсказывает Книга судеб, проживёте до ста лет и умрёте тихо, без болезней. С точки зрения светского закона вы — жертва влияния секты: ведь цели, методы и схемы разработали сектанты. Так что не переживайте — расстрел вам, скорее всего, не грозит...

Он чуть изогнул губы. На одно мгновение Хэ Сяньян увидел, как в глубине этих чёрных глаз поднимается алый прибой, и в нём корчатся призрачные руки — отражение бездонного Ада.

— Но запомните: вы убили собственного сына. Вы обрекли его на вечную погибель. Поэтому всю оставшуюся жизнь — в тюремной камере — вы будете день за днём мучиться виной и тоской, до самого последнего вздоха. И когда этот вздох наступит, вы поймёте: смерть — это действительно освобождение. А после смерти ваши прижизненные дела будут рассмотрены на справедливом суде. И тогда, смею вас заверить, я лично буду рад приветствовать вас и провести подробную экскурсию по достопримечательностям Ада.

При жизни — сгнить в тюрьме. После смерти — бездна без дна.

Слова ударили, как заклинание. Мгновенная, опустошающая боль скрутила внутренности Хэ Сяньяна.

Ничего не осталось. Совсем ничего... Он вдруг осознал: это была месть. Осознанная, хладнокровная месть Хэ Цзиньняня. Он во всеуслышание заявил: Всё, что ты мне дал, — ложь. Мне ничего этого не нужно. Я предпочту Ад.

И тут арестованный сломался. Разразился рыданиями, кричал, рвался в сторону, где исчез Се Цилян:

— Моя вина! Моя! Не забирайте моего сына в ад! Заберите меня! МЕНЯ! Не оставляйте меня одного доживать до старости — я не выдержу!!!

Но Учан сказал: не умрёт. Значит, не умрёт. Отныне мир живых — его личный ад.

Оперативники запихнули обмякшего, как марионетка, Хэ Сяньяна в полицейскую машину. Журналисты неслись за ней, чуть не спровоцировав пробку.

Арестом дело не кончалось. Сектанты всё ещё на свободе. Одного стрима недостаточно для доказательной базы. Всю корпорацию «Цзиньсю» ждёт тотальная проверка. И, наконец, двое пропавших коллег — предварительно квалифицировано как предполагаемое похищение сектантской группировкой.

Дел — море.

Ци Вэнь оглянулся:

— Э? А где брат Цинь?

Коллега рядом:

— В туалет, наверное?

Ци Вэнь задумался, тяжело вздохнув:

— Хмм...

Внизу, рядом с накрытым белой простыней телом, скорчилась маленькая тучка. Как ядовитый грибочек.

На сей раз Цинь Фэн уже умел ставить барьер и мог спокойно появляться в форме духа.

Он протяжно вздохнул:

— Ну ты и отчаянный. Прыгать с крыши — это же больно! Дал бы мне действовать: ты давно пережил свой смертный час, я бы просто вытянул твою душу — тело бы получило остановку

сердца. Абсолютно безболезненно.

На полу Хэ Цзиньнянь совершенно не соответствовал образу «холодного СЕО»: совершенно неприглядно ревел в голос:

— Боль-н-но! Ужасно больно-о-о! У м-меня же нет опыта!

Цинь Фэн похлопал его по плечу и воздержался от комментариев.

За один день мир перевернулся. Ему и правда нужен повод выплакаться.

Цинь Фэн:

— ...Ладно, пошли. Книга судеб уже достала — всё время требует тебя зарубить. Доставлю тебя в Подземный мир, оформлю, а потом мне ещё баг в Небесном промысле чинить. Плюс двое моих пропавших подчинённых. Давай, экономя время.

Хэ Цзиньнянь зарыдал ещё громче:

— Я больше никогда не буду прыгать! У меня всё болит, я идти не могу-у-у!

В маленьком полуразрушенном земляном храме в горах внезапно вспыхнул ритуальный круг на полу. Из него появились три силуэта. Не успев толком встать, они принялись лихорадочно доставать из свёртков пачки талисманов и обклеивать стены.

Старый даос торопил:

— Быстрее! Каждую щель заклеить!

У Хуа Юаньчунь со сломанной рукой дело шло медленно. Старик пнул её пару раз. Она не выдержала:

— А это обязательно?..

— И ты ещё смеешь рот открывать?! — взбесился старик и отвесил ей пощёчину. — Если бы не ты с Хэ Сяньяном и вашим самодеятельным «выбором цели», разве Чёрный Учан появился бы так быстро?! И теперь мы у них на мушке!

— Подумаешь... Чёрный и Белый Учаны... они что, настолько сильнее обычных посланников...

— Хватит, сестрица, — Чжан Юаньчжэнь дёрнул её за рукав и зашептал: — Обычный посланник — это, грубо говоря, дух-бессмертный: просто призрак с некоторыми навыками. Учитель не боится даже совместных облав ортодоксальных даосов, а значит, и рядовых духов не боится. Но Учаны Подземного мира — это божества, учреждённые самим Дао ещё в начале времён. Их задача — хранить баланс Инь и Ян. В древности, когда мир был юн и полон великих богов, Учаны считались низшими из низших. Но великие давно вернулись в Верхние Сферы, а «низшие» — теперь единственные оставшиеся боги. Понимаешь, чем это чревато? Пока был только Белый Учан — ещё куда ни шло. Но теперь Чёрный и Белый собрались вместе, Инь и Ян едины — ты хоть десять таких, как ты, сложи вместе, и то не стоишь их мизинца!

Старик холодно посмотрел на ученицу:

— Это ж надо было — выбрать в качестве подменной жертвы того, кого Небо назначило Чёрным Учаном... Не будь ты моей дочерью, я бы давно тебя выбросил.

Хуа Юаньчунь, прижимая к себе сломанную руку, стиснула зубы и замолчала.

Стены покрылись толстым слоем талисманов. Но старик по-прежнему был мрачен: от обычных призраков и даже духов-бессмертных это защитит, но от Учанов — не факт.

— Где золотая статуя? — спросил он.

— Здесь, — Чжан Юаньчжэнь почтительно извлёк из свёртка деревянную шкатулку.

— Такого доверчивого капиталиста, как Хэ Сяньян, второго не найдёшь, — вздохнул старик. — Придётся нашему Великому Духу пока потесниться в этой маленькой золотой фигурке.

Из шкатулки донёсся тихий смешок. Потом заговорил голос — звонкий, но определённо не детский:

— Мне нравится! Когда я была домашним духом-покровителем у Хэ, эти жадные торгаши всё время подсовывали мне деревянные статуэтки. Хи-хи-хи, скряги-нувориши, ненавижу!

— Разумеется, Великий Дух заслуживает лучшего вместилища. В будущем нам ещё понадобится ваша помощь против Учанов, а пока прошу вас отдохнуть, — старик был сама почтительность.

Шкатулка затихла. Он перевёл дух, потом снова повернулся к дочери с каменным лицом:

— Тех двоих мирских пленников — на этот раз не облажайся.

Хуа Юаньчунь тихо:

— Поняла.

За окном автобуса проплывали горы, тонущие в сумерках. Чан Пэньюань и Дай Мэньюань сидели у задней двери, отчаянно борясь со сном.

Дай Мэньюань прикусила кончик языка, кое-как удерживая сознание. Ощущение было совершенно неправильным. Она — элитный снайпер, привыкший сутками лежать без движения и не смыкать глаз, ожидая цель. Да, она в отставке, но, как и Альфа, не бросила тренировки — внутренний огонь ещё горел. Когда это у неё была такая дрянная выносливость?

Рядом Чан Пэньюань закатывал глаза — классический вид человека, смертельно желающего спать, но из последних сил сопротивляющегося.

— Пэньюань? Большой Орёл? Чан Пэньюань! Птенчик! — Дай Мэньюань перебрала все прозвища, потом понизила голос и прошептала: — Альфа проверяет!

Чан Пэньюань вскочил и отдал честь.

Весь автобус медленно повернул к нему головы. Ни единого выражения на лицах. Он мгновенно сел обратно.

— Лилия, тебе не кажется, что что-то не так? — прошептал он. — Как мы вообще оказались в междугородном автобусе? И... все эти пассажиры — они что, на похороны едут? Ни у кого ни тени эмоций...

— Помню... мы увидели трёх подозрительных даосов и пошли за ними... Погоди, а куда делись даосы? — Дай Мэньюань растерянно оглядела салон.

Они заняли места у выхода. Каждый, кто выходит, должен пройти мимо них. Но за всю дорогу никто не вышел — в этом они были уверены, как бы ни клонило в сон. А среди пассажиров — ни одного похожего на даоса.

— Мы вообще ещё в окрестностях Сячэна? — Дай Мэньюань посмотрела за окно. Белесый туман клубился снаружи, обволакивая автобус. Она коснулась стекла — и отёрнула руку с шипением: ледяное.

Пассажиры сидели деревянными болванчиками, лишь украдкой косясь на них уголками глаз. У Чан Пэньюаня волосы встали дыбом. Он поднялся и прошёл к водителю:

— Водитель, остановите, пожалуйста. Мы проехали свою остановку.

Грузный водитель даже не обернулся:

— До конечной ещё далеко. Ничего вы не проехали.

Чан Пэньюань настаивал:

— Прошу вас, остановите.

Водитель наконец медленно повернул голову. Рот расплылся в улыбке:

— Этот автобус не останавливается на полпути. Правила.

И тогда Чан Пэньюань наконец разглядел: вместо глаз у водителя были две кровавые пустые дыры.

— Аль... Альфа! АЛЬФА! АЛЬФА, СПАСИТЕ!!! — Он замер, судорожно подбирая слова. — Процветание! Демократия! Цивилизация! Гармония! Нет, подождите, как там... СЛУЖИТЬ НАРОДУ! ХРАНИТЬ ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ! БЫТЬ СТРОГИМ К СЕБЕ! ЗАБОТИТЬСЯ О ЛЮДЯХ! ЗАЩИЩАТЬ РОДИНУ!..

Целый автобус призраков ошеломлённо пялился на живого человека, который стоял по стойке смирно и выкрикивал лозунги так звонко, что звенело в ушах.

Весь Подземный мир был охвачен трепетом. Снующие туда-сюда души умерших чувствовали: сегодня посланники стоят как-то особенно прямо, а ведут себя как-то особенно подозрительно. Одна свежеумершая старушка — бывший председатель домового комитета — безошибочно определила:

— Похоже, у них проверка сверху.

Посланники шептались:

— Кошмар... Я чуть не улетел от страха...

— Какие вопли — громче, чем в котле с кипящим маслом...

— Так что всё-таки Чёрный шеф с ним сделал?

По всему Подземному миру разнеслась молва: новый начальник лично приволок злобного духа, вроде бы без всяких пыток, но тот орал так, будто прошёл все восемнадцать кругов Ада.

Цинь Фэн не удержался и спросил Хэ Цзиньняня:

— Неужели так больно?

Хэ Цзиньнянь, которого он тащил на себе, всхлипнул:

— Сначала уже отпустило, но когда ты сказал, что можно было вообще без боли — тут-то как раз и стало...

Злобный-дух-который-чувствует-себя-очень-обиженным.jpg

Цинь Фэн:

— А кто тебя заставлял так быстро прыгать?

Хэ Цзиньнянь:

— Выглядело круто.

Цинь Фэн молча достал фотографию, сделанную судмедэкспертом на месте суицида: раскрытый череп, кровь из всех отверстий, зрелище настолько жуткое, что для публикации потребовалось бы десять слоёв пикселизации.

— Всё ещё круто?

Хэ Цзиньнянь зарыдал с удвоенной силой. Проходившие мимо посланники затряслись.

Указ на казнь души — событие, случаемое настолько редко, что большинство посланников младше ста загробных лет никогда его не видели. Все с любопытством выглядывали, но заведя белую тень, мгновенно прятались обратно, опускали глаза и изображали образцовое поведение.

Давно ожидавший Цзян Шэнь шагнул вперёд. Потом — на глазах у Цинь Фэна — рухнул на колени. Не как Фан Сяонянь, который в шутку хватается за ногу, — а с глубоким, непоколебимым почтением, с размаху врезав коленями в каменный пол, готовый отбить полный церемониальный поклон.

Цинь Фэн и Се Цилян синхронно отпрыгнули в стороны. Цзян Шэнь распростёрся перед Хэ Цзиньнянем.

Хэ Цзиньнянь мгновенно перестал плакать.

— Господа! Подчинённый не справился, не удалось настичь тёмных практиков! — чеканно отрапортовал Цзян Шэнь. — Прошу наказания!

Цинь Фэн:

— Что за чертовщина?!

Се Цилян:

— Пережитки феодализма. Цзян Шэнь был тайным агентом Цзиньивэй при императоре Чунчжэне.

— ...За несколько веков не вылечился?

Се Цилян вздохнул:

— Некоторые детские травмы приходится лечить всю жизнь.

Фан Сяонянь, которому пришлось прийти на выручку, с натугой отдирает напарника от пола — словно тянул репку. Молодой посланник нервно поворачивает глазами и подобострастно улыбнулся:

— Здравствуйте, босс!

Цинь Фэн резко обернулся:

— Босс?

Улыбка Фан Сяоняня стала ещё подобострастнее:

— Ну да! Это же наш босс! Начальник Ресепшена Подземного мира! Очень крутой!

Почему-то у Фан Сяоняня возникло ощущение, что комплимент вышел боком: собственный босс зыркнул на него из-за плеча с ядовитой мрачностью.

Цинь Фэн скрестил руки на груди и фыркнул:

— Значит, так. Изображал рядового посланника, чтобы меня разыграть?

Се Цилянъ с невинным лицом:

— Ты же не спрашивал!

Цинь Фэн признал поражение:

— Ладно, великий начальник Се. Продолжишь развлекаться?

Се Цилянъ улыбнулся и протянул ему руку. Восемь золотых иероглифов на запястье загорелись один за другим:

— «Инь и Ян в гармонии, четыре моря в покое». Белый Учан Подземного мира — Се Цилянъ. Официально приветствую тебя в наших рядах, мой Чёрный Учан.

<http://bllate.org/book/17937/1721676>